

А. Шотман.

ЛЕНИН НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ.

Как известно, после июльских дней Владимир Ильич скрывался от шпииков Керенского сначала в окрестностях Сестрорецка, затем в Гельсингфорсе, где проживал до середины сентября 1917 г. В сентябре Владимир Ильич перебрался нелегально в Петроград, поселившись в Лесном, где и скрывался до 24 октября. Вечером 24-го Владимир Ильич, минуя полицейские рогатки, прошел в Смольный, откуда затем и руководил октябрьским восстанием, окончившимся полной победой пролетариата.

В этот период—с июля до конца октября—мне довелось часто видеться и беседовать с Владимиром Ильичем. Встречаться пришлось при самых необычайных условиях. Несколько раз в стогу сена, где ему вместе с т. Зиновьевым пришлось прожить около трех недель, тщательнейшим образом замаскировав свое там пребывание. Темной ночью в лесу, через который пробирались мы из Сестрорецка к Финляндской жел. дороге, ежесекундно рискуя попасть в руки пограничной охраны. На торфяном пожарище, окруженные едким дымом горящего кругом кустарника, куда мы попали, сбившись с тропинки, по которой в темноте шли. На станции „Дибуны“, в семи верстах от финляндской границы, где на его глазах, в нескольких шагах от него, был арестован тов. Емельянов, в стогу которого Владимир Ильич прожил около трех недель. На квартире рабочего Кальске, где Владимир Ильич остался ночевать, так счастливо избежав ареста. На паровозе, где он ехал, переправляясь через границу, и, засучив рукава, бросал в топку полено за поленом. В Териоках, когда, переехав границу, непосредственная опасность почти миновала. По пути из Териок в Гельсингфорс, затем на квартире начальника милиции города Гельсингфорса, где Владимир Ильич смог, наконец, почувствовать себя в полной безопасности. На обратном пути в Россию в городе Выборге. Снова в Петрограде, где он ежесекундно снова рисковал жизнью. И, наконец, в Смольном накануне переворота и в день победы в качестве главы великого, первого в мире пролетарского государства ¹⁾.

Присматриваясь к Владимиру Ильичу в этот период времени, столь богатый событиями, видя его в момент величайшей опасности и минуты невероятного, сверхчеловеческого напряжения воли в дни переворота, я ни разу не заметил в нем какой-либо растерянности, страха, даже простого волнения. По крайней мере, внешне он всегда, при всех обстоятельствах, был чрезвычайно спокоен. Что меня в нем особенно поражало—это какая-то, если можно

так сказать, беспечность в отношении своей личной безопасности. Когда, выполняя какое-либо конспиративное поручение, кто-либо из нас делал оплошность, которая при тех условиях могла повлечь за собою весьма печальные для него последствия, Владимир Ильич, прищутив левый глаз, слегка покачивая головою, спокойно, товарищески пожурит провинившегося и тем ограничится. Ни разу за все это время Владимир Ильич не просил привезти ему из города чего-либо с'естного или из одежды, несмотря на то, что питание у него в стогу было весьма скудное, а ночные холода и сырость пониживали до костей, и теплая фуфайка и шерстяные носки были бы весьма кстати. Единственно, на чем он настаивал и непрерывно требовал, это—аккуратной доставки всех, без исключения, выходящих газет и выпущенных по поводу июльских событий брошюр, листовок и пр. В то время, как Временное Правительство Керенского из сил выбивалось, пустив в ход весь своей полицейский ап-

парат, мобилизовав лучшие полицейские светила, чтобы разыскать скрывшегося Ленина, Владимир Ильич меньше всего, казалось, думал об этом. Его целиком захватила работа по подготовке и затем руководство VI Съезда Партии, происходившего в это время полулегально.

На газеты, которые доставлялись ему в его временную штаб-квартиру в большом количестве, он набрасывался с какой-то лихорадочной поспешностью, делал на них какие-то пометки и затем начинал писать, сидя на траве, положив бумагу на находившийся у стога небольшой пенек. Тут же, сидя на траве, он написал небольшую брошюру „К лозунгам“, а затем „Удержат ли большевики государственную власть?“. Там же у стога он делал пометки в обычной формы школьную тетрадь,

В. И. Ленин беседует с германским рабочим.
(Рис. Н. Альтмана).

¹⁾ Подробнее см. мою брошюру „Ленин в подполье“. Изд. Ленгиз. 1924 г.

в которую он заносил, как впоследствии стало известно, основные мысли, развитые затем в известной книге „Государство и революция“. Когда он затем, садясь на паровоз, чтобы нелегально переехать финляндскую границу, передал мне эту в синей обложке тетрадь, он несколько раз повторял, чтобы я берег эту тетрадь пуше глаза своего и, в случае его ареста, передал бы ее кому-либо из членов Ц. К.—т.г. Каменеву или Сталину.

Когда мы благополучно перебрались через границу и я с Эйно Рахья у паровоза поздравляли Владимира Ильича с благополучным переездом, он первым делом спросил, цела ли тетрадь, и, взяв ее от меня, засунул ее себе за пазуху.

Один момент за этот период врезался мне в память, когда Владимир Ильич, как мне казалось,—если вообще можно к нему применить это слово,—„колебнулся“, как он любил говорить. Было это при моей с ним первой встрече после 5 июля у стога сена, когда я коротко информировал о положении дел в городе и в партии. А положение было таково, что о продолжении широкой агитации среди масс почти не приходилось и думать. Разгром, учиненный Керенским нашей партией, был настолько основательным, что главной задачей, казалось, было хотя бы частично сохранить основное ядро партии. Вот тут, в разговоре, при анализе создавшегося положения, Владимир Ильич и высказал мысль, что побиты мы весьма серьезно, думать теперь даже об „Учредилке“ нечего: зарвавшиеся „победители“ ее не созовут. Нам нужно собрать те силы, что остались, и перестроить партию на манер 1907—08 и т. д. годов, т.-е. влезть в подполье „всерьез и надолго“. Привезенные мною газеты только подтверждали мою печальную информацию: со всех их столбцов наперебой кричали: „гром победы раздавайся!“ Тех тревожных ноток, какие стали в них появляться через некоторое время, когда они увидели, что пролетариат хотя и сильно побит, но очень уж быстро

стал оправляться от нанесенного удара, в них еще не было. Эти нотки стали появляться недели через три, и Владимир Ильич первый, конечно, их заметил и учел. Разговор же мой с ним происходил 10 или 12 июля. И все же, несмотря на такую пессимистическую оценку положения, Владимир Ильич без удивления, как-то задумчиво, выслушал, когда я передал ему предложения некоторых членов Петербургского Комитета Партии, высказывавшихся даже за возможность в ближайшие два-три месяца перехода власти в руки рабочих и появления Владимира Ильича во главе правительства в качестве премьер-министра. Я, передавая ему слова этих оптимистов, смотрел на них, как на чудаков-фантазеров,—до того невероятной казалась мне такая возможность при той обстановке, когда часть руководящих партработников арестована и сидела в тюрьме, а другая—скрывалась в подпольи и даже в окруженном болотами стоге сена! Такой перспективе Владимир Ильич хотя и не удивился, но переезд в

Финляндию, а оттуда, возможно, и в Швецию велел организовать не мешкая.

По прибытии в Гельсингфорс Владимир Ильич первым делом занялся организацией надежной почтовой связи с Питером и доставкой ему русских газет. Товарищу Г. Ровио, бывшему в то время начальником гельсингфорской милиции, у которого Владимир Ильич поселился, он дал задание это дело организовать, что тот и выполнил прекрасно. Газеты и письма Владимир Ильич стал получать аккуратно. Там Владимир Ильич, будучи в полной безопасности, дописал книгу „Государство и революция“ и все время вел усиленную переписку с ЦК, Надеждой Константиновной и др.

Первые сведения о революционном под'еме среди питерских рабочих после июльского поражения Владимир Ильич получил в Гельсингфорсе.

Оттуда Владимир Ильич наблюдал за выборами пи-

терских и московских рабочих в городские и районные думы. Как известно, наша партия на этих выборах получила большинство голосов рабочих избирателей. С каким восторгом Владимир Ильич показывал мне составленные им таблички с подсчетами поданных на этих выборах голосов за партию большевиков! Кроме этих признаков под'ема среди рабочих, выносимые ими на фабриках и заводах резолюции с требованием перехода власти в руки рабочего класса также указывали, что нарастает новая революционная волна. В войсках все громче и громче стали раздаваться голоса за немедленное прекращение войны. Все эти вести, дошедшие до Владимира Ильича, чрезвычайно возбуждающе действовали на него. Он стал настойчиво требовать, чтобы я устроил ему обратный переезд в Петроград, так как решающие бои надвигаются быстро и он не может стоять вдали от них. Это его настойчивое требование я сообщил в ЦК. Помню, вопрос этот в ЦК обсуждался очень тщательно. Все высказывались за немедленный приезд Владимира Ильича в Петро-

В. И. Ленин.

(Рис. Н. Альтмана).

град и только, когда я подробно рассказал, какому риску подвергнется Владимир Ильич при переезде в Финляндию и как тщательно охраняется граница, с какой предприимчивостью проверяются документы всех проезжающих границу, особенно приезжающих из Финляндии, ЦК постановил до поры до времени задержать приезд Владимира Ильича, поручив мне подготовить его переезд с полной гарантией его безопасности.

В один прекрасный день, без ведома ЦК и моего, Владимир Ильич, при содействии Э. Рахья, переехал из Гельсингфорса в Выборг, повидимому, намереваясь пробраться в Петроград.

Узнав об этом, я немедленно поехал в Выборг и застал его на квартире финского литератора тов. Латукка в чрезвычайно возбужденном состоянии. Одним из первых вопросов, который он задал мне, как только я вошел к нему в комнату, был: правда ли, что Центральный Комитет воспретил ему в'езд в Петроград? Когда я ему под-

ПРО

ЖЕК

ПОР

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Родкий снимок.

твердил, что такое решение действительно было, что в интересах его личной безопасности ему необходимо пока остаться в Финляндии, он потребовал у меня письменного подтверждения этого постановления. Я взял листок бумаги и в полушутливой форме написал приблизительно следующее:

„Я, нижеподписавшийся, настоящим удостоверяю, что Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П. (б.) в заседании своем от такого-то числа постановил: Владимиру Ильичу Ленину, впредь до особого распоряжения Ц. К., в'езд в гор. Петроград воспретить (подпись)“.

Взяв от меня этот „документ“, Владимир Ильич бережно сложил его вчетверо, положил в карман и затем, заложив руки в вырезы жилета, стал быстро ходить по комнате, повторив несколько раз: „Я этого так не оставлю, так этого я не оставлю!“.

Немного успокоившись, он стал подробно расспрашивать, что делается в Питере, что говорят рабочие, что думают отдельные члены Ц. К. о выборах в думы, о настроении в армии и пр. Показывал мне составленные им различные таблицы с цифрами, ясно показывающие огромный рост сторонников большевиков не только среди рабочих и солдат, но и среди городской мелкой буржуазии. Вопли Керенского о развале армии и о крестьянских беспорядках также указывали, что страна явно на нашей стороне. Поэтому основной нашей задачей в данный момент является немедленная организация сил для захвата власти. Я старался доказать, что захват власти в настоящий момент еще невозможен, указывал, что технически мы не подготовлены, людей, умеющих управлять сложным государственным аппаратом, у нас нет и пр., и пр.

На все эти мои возражения он, повидимому, нарочито упрощая вопрос, отвечал одно: „Пустяки! Любой рабочий любым министерством овладеет в несколько дней; никакого особого умения тут не требуется, а техники работы и знать не нужно, так как это дело чиновников, которых мы заставим работать так же, как они теперь заставляют работать рабочих-специалистов“ и т. п.

Несколько раз я принимался спорить с Владимиром Ильичем на эту тему. Считаю совершенно невозможным в то время захват нами власти, я приводил сотни доказательств, подтверждающих, как мне казалось, правильность моего взгляда. Но Владимир Ильич как-то просто разбивал их, и мне все трудней и трудней было ему возражать. Некоторые его объяснения казались мне настолько фантастическими, что я не считал нужным по поводу их даже спорить, так как мне казалось, что и сам Владимир Ильич как-то несерьезно к ним относится. От некоторых моих назойливых вопросов по поводу могущих возникнуть затруднений при их разрешении на практике Владимир Ильич просто отмахивался, говоря: „Там видно будет!“.

Каюсь, придирался я к Владимиру Ильичу по всякому пустяку, благо времени свободного было много, и он охотно пускался со мною в споры по этому основному тогда для него вопросу. Особенно, помню, почему-то меня смущало его предложение аннулировать денежные знаки как царские, так и керенские.

— Откуда же мы возьмем сразу такую уйму денег, чтобы заменить существующие?—спрашивал я его, напе-

ред торжествуя над его безвыходным положением в этом вопросе.

— А мы пустим в ход все ротационные машины и напечатаем в несколько дней такое количество, какое потребуется,—отвечал, не задумываясь, Владимир Ильич.

— Да ведь их всякий жулик подделает сколько угодно!—доказывал я.

— Ну, напечатаем различным сложным шрифтом. Да, впрочем, это дело техников, чего тут спорить, там видно будет!

И опять начинал доказывать мне, что дело не в этом, а в том, чтобы провести в жизнь такие законы, чтобы весь народ увидел, что это его власть, а раз народ это увидит, он нас поддержит; остальное само собою приложится. Как только возьмем власть, сейчас же прекратим войну. Как только мы это сделаем, армия, которая явно устала от войны и воевать не хочет, будет безусловно за нас. У царя, дворян, помещиков и попов земли отберем, передадим их крестьянам,—ясно, крестьянство будет поддерживать нас целиком. Фабрики и заводы также отберем у капиталистов и передадим их в руки самих рабочих,—их рабочего государства. „Кто же тогда будет против нас?“—воскликнул он, близко наклонясь ко мне и пристально смотря мне в глаза, чуть-чуть улыбаясь, прищутив левый глаз.

— Только бы не пропустить момент!—повторял он десятки раз и опять настаивал, чтобы я скорей организовал ему переезд в Петроград.

Собираясь однажды в очередную поездку в Выборг навестить Владимира Ильича, я встретил на финляндском вокзале Эйно Рахья, который, хитро улыбаясь, сообщил мне, что нет смысла ехать в Выборг, так как Владимир Ильич переехал в Петроград. Затем с виноватым видом покаялся, что привез он его в Питер без ведома Ц. К. и теперь боится, что ему за это попадет. Я его, конечно, основательно выругал, сказал, что попадет ему от Ц. К., как

полагается, и побежал к тов. Зиновьеву, который проживал в Лесном нелегально, чтобы посоветоваться с ним, как быть? По совету тов. Зиновьева, я пошел в Ц. К. и рассказал покойному Я. М. Свердлову об этой „неприятной“ истории. После продолжительной с ним беседы решили: „так оставить“.

Проживая с конца сентября в Лесном, недалеко от квартиры, где жил нелегально тов. Зиновьев, Владимир Ильич время от времени встречался с некоторыми членами Ц. К., то на квартире М. И. Калинина, то на квартире Н. Кокко, рабочего завода „Айваз“. Выходил из дому Владимир Ильич обычно, когда стемнеет. В парике, без усов и бороды его трудно было и днем узнать. По приезде в Петроград непосредственное руководство подготовкой Октября взял в свои руки. С этого времени ни один более или менее важный вопрос не решался в Ц. К. без согласования его с Владимиром Ильичем.

10 октября Ц. К. вынес постановление о немедленном захвате государственной власти. После этого были созваны три партийных конференции: петроградской городской, окружной и военной организаций. На всех этих конференциях основным вопросом стоял вопрос о захвате власти. Хорошо помню, что все споры на них вертелись вокруг вопроса: захватить ли власть немедленно или

В. И. Ленин у телефона. (Рис. Н. Альтмана).

отложить до созыва II Съезда Советов, который должен был собраться недели через две. В принципе все три конференции высказались за взятие государственной власти в ближайшее время. Против этого не раздалось ни одного голоса. Против же захвата власти немедленно высказывалось большинство выступавших делегатов и затем все три конференции большинством голосов высказались против немедленного захвата.

По выяснении работ конференций было решено созвать экстренное заседание Ц. К., пригласив на это заседание ряд ответственных партийных работников.

Кому принадлежала мысль созвать такое собрание, я не знаю, вероятнее всего Владимиру Ильичу, который, возможно, хотел еще раз, так сказать, отгрить, прежде чем отрезать. Организовать такое собрание Я. М. Свердлов поручил мне.

Подыскивая подходящее помещение, куда могли бы незаметно собраться человек тридцать и куда могли бы прийти все еще скрывавшиеся т.т. Ленин и Зиновьев, я

остановился на помещении районной городской думы в Лесном, недалеко от Муринского проспекта. В этой думе председателем был М. И. Калинин, и от него зависело дать в наше распоряжение это помещение, на что т. Калинин после некоторого колебания и согласился. Собрание я решил устроить вечером, когда стемнеет, так как вечером удобнее Владимиру Ильичу и т. Зиновьеву пройти туда незамеченными. Когда вопрос о помещении был благополучно разрешен, я рано утром пошел в Ц. К., помещавшийся тогда на Фурштатской улице, в д. № 19, где и предложил созвать совещание в этот же день вечером. Предстояло наметить товарищей, которых необходимо пригласить на это собрание, и успеть к вечеру всех затем известить.

Так как собрание, которое должно будет вынести чрезвычайно ответственное и окончательное решение, должно быть немногочленным и очень конспиративно обставленным, то и составление списка требовало особой тщательности. Список было поручено составить Я. М. Свердлову.

Так как тов. Свердлов, как всегда, с раннего утра был занят по горло, всегда окруженный толпящейся публикой, приходившей с районов и приезжавшей со всех концов России, мне стоило большого труда вытащить его из этой сутолоки и увести в отдельную комнату, чтобы, не мешкая, составить список. В комнатке, куда я его за- тащил, не было ни стула, ни стола. Разыскав небольшой

стол, вырвав из-под кого-то пару стульев и втащив их в комнату, куда успел проскочить и покойный ныне Иван Рахья, я запер комнату изнутри на ключ. Тут втроем мы и составили список, который затем Сталин пополнил

Тов. Ленин беседует с представителями английских профсоюзов. (Рис. Н. Альтмана).

двумя-тремя товарищами. Был ли этот список затем официально утвержден Ц. К. или нет, сейчас хорошо не помню.

Составив план местности и точный адрес дома, где должны вечером собраться, мы разделили между собою обязанности, кто кого должен известить, и я уехал. Собраться должны были к 7 часам вечера. Было это 20 октября ст. стилия. Я читал недавно у т.т. Сталина и Зиновьева, что это собрание произошло 16, но это, по-моему, неверно. Если они хорошенько пороятся в своей памяти, они со мною согласятся. 16 было совещание Ц. К. с Владимиром Ильичем и др. на квартире т. Ялава, на углу Нижегородской и Ломанского пер.

Около 6 часов вечера мы с Эйно Рахья разошлись недалеко от станции „Ланская“, — он пошел за Владимиром Ильичем, а я за т. Зиновьевым, условившись встретиться в 7 часов на углу Выборгского шоссе и Муринского проспекта. Вечер был темный, шел мелкий дождик, дул сильный, порывистый ветер. Ровно в 7 часов пришли мы с т. Зиновьевым к назначенному месту, а через пару минут подошли Владимир Ильич и Э. Рахья. Тов. Рахья пошел с т. Зиновьевым немного впереди, а я с Владимиром Ильичем в нескольких шагах от них. Не доходя районной думы, свернули в небольшой переулок и там решили предварительно осмотреть окружающую местность — нет ли чего подозрительного, а также узнать, собралась ли публика. Тут, стоя вчетвером в пустынном переулке, Эйно Рахья рассказал нам о небольшом при-

В ВЕЛИКИЕ ГОДЫ.

В. И. Ленин на Красной площади.

ключении, которое только что произошло с Владимиром Ильичем по пути от его квартиры. Оказалось, что, когда они переходили где-то улицу, сильный порыв ветра сорвал с головы Владимира Ильича фуражку... вместе с париком. К счастью, было темно, никого вблизи не было, и этот небольшой инцидент был Владимиром Ильичем быстро ликвидирован; пострадал только носовой платок, которым Владимир Ильич вытер приставшую к парику грязь.

Над этим происшествием мы весело смеялись, Владимир Ильич больше всех.

Оставив их в переулке, я пошел осмотреть окружающую думу местность, ничего подозрительного не нашел, зашел в дом, но застал там всего человек пять—шесть. Минут через 15 пошел т. Рахья и сообщил, что собралось человек десять. Затем ходил опять я, потом опять Рахья. Прождали мы, таким образом, около часа, гуляя по пустынным улочкам Лесного. Владимир Ильич весьма крепко ругался по поводу неаккуратности ответственных товарищей, и был момент, когда он предложил вернуться домой и решить вопрос о перевороте без этого совещания. Когда, наконец, Э. Рахья, вернувшись с разведки, сообщил, что собралось человек двадцать, мы решили войти в дом. Задним ходом пробрались мы во второй этаж и прошли в отдельную небольшую комнатку, куда сейчас же пришли Сталин, Свердлов, Иван Рахья и еще кто-то, не помню.

В виду того, что народу собралось достаточно, решили собрание открыть.

Обсудили, войти ли Владимиру Ильичу на собрание в парике или без него. Решили парик снять. Большинство собравшихся не видали Владимира Ильича с июльских дней и все, зная, что будет Владимир Ильич, с нетерпением ждали его прихода. Когда Владимир Ильич вошел в комнату, где собралось товарищи, все наперебой бросились пожимать ему руки, некоторые расцеловались с ним,

закидали его вопросами. Владимир Ильич весело улыбался, шутил и, наконец, предложил открыть собрание.

Водворилась тишина. Владимир Ильич скромно уселся в конце комнаты на табуретку, вынул из кармана исписанные мелким почерком листочки, по привычке поднял руку, чтобы погладить парик, и, спохватившись, улыбнулся. Все с напряженным вниманием ждали его доклада „по текущему моменту“.

— Слово имеет товарищ Ленин,—произнес товарищ Свердлов.

Владимир Ильич начал с того, что назрел момент, когда перед партией встал ребром вопрос о захвате государственной власти. Обрисовал подробно положение дел в стране, несомненное сочувствие огромной части рабочего класса большевикам, что подтверждал с цифрами в руках, приводя результаты голосований в городские и районные думы в Питере и Москве. Привел массу фактов из событий на фронте и в тылу, из которых ясно видно, что армия воевать не хочет, что мир стране может дать только пролетарская власть. Многочисленные случаи разгрома помещичьих имений говорят за то, что крестьянство больше ждать с землей не будет, а дать ее крестьянам может только пролетарская власть. Говорил Владимир Ильич сначала как-то сдержанно-спокойно, затем, понемногу оживляясь, продолжал в обычном для него духе, пуская время от времени остроты, иногда больно ударяя по инакомыслящим товарищам, взгляды которых на захват власти он знал из переписки и разговоров с ними. Местами он вставал и, заложив за вырез жилета пальцы, ходил взад и вперед, изредка останавливаясь при особенно ударных местах речи.

Речь его, продолжавшаяся около 2 часов, была выслушана с величайшим вниманием, все слушали, казалось, затаив дыхание. Когда он кончил, прошло несколько секунд в абсолютном молчании, все были как бы под

В. И. Ленин на празднике всевобуча.

влиянием гипноза. Много я слышал в течение 20-летнего моего знакомства с Владимиром Ильичем его докладов и речей, но из всех их этот доклад был самый лучший, какие он делал. Это тогда же подтверждали присутствовавшие на этом собрании, хорошо знавшие Владимира Ильича много лет. Закончил Владимир Ильич этот свой доклад, повторив несколько раз, что власть надо брать немедленно, сейчас же; каждый потерянный день — смерти подобен. „История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь!“.

Как только Владимир Ильич кончил, я взял слово и, грешный человек, выступил против его предложения взять власть немедленно. Я привел решения трех конференций наших партийных организаций, на которых вопрос о немедленном захвате власти был отвергнут большинством голосов. Затем я вновь и вновь доказывал, что технически мы совершенно неподготовлены, что у нас „в случае чего“, не будет даже телефонной связи или хотя бы лошадей. Все это надо и можно подготовить, если Владимир Ильич даст хотя бы неделю на подготовку. Но взять власть немедленно, т.-е. завтра же, ведь это же совершенно невозможно, мы провалимся! Ведь конференции-то этот вопрос обсуждали подробно. Никто же не против захвата власти, но все против захвата немедленно. Спросите Военную Организацию, она вам скажет, готова ли она? Конечно, нет! Словом, я пытался охладить Владимира Ильича и убедить его выбросить из резолюции, которую он предложил, слово „немедленно“.

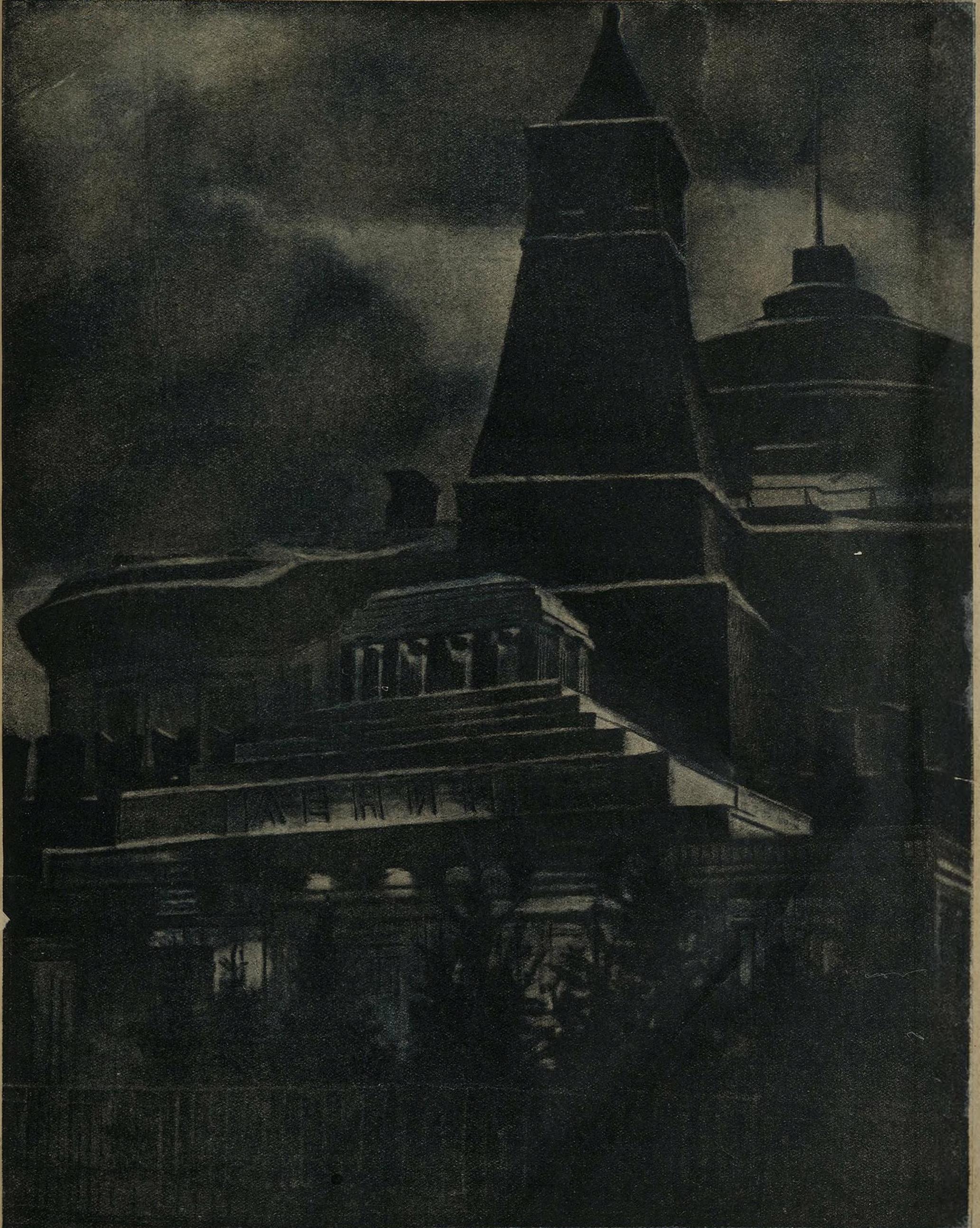
После моего выступления Владимир Ильич взял слово и... разнес меня в пух и прах! Весьма остроумно он проехался на счет „лошадиной связи“, доказывал, что, если с

моим методом подходить к революции, то нужна не неделя, а годы, ибо в неделю никаких своих телефонов из подполья не создашь и т. д. Чувствовал я себя после его реплики препогано.

После выступления Владимира Ильича по моему адресу начались прения. И странно. Выступавшие от имени своих организаций: от Военной — т. Крыленко, от Петербургской городской — т. Бокий и от Окружной — т. Степанов, бывший тогда секретарем Окружной организации, говорили не то, что решили на своих конференциях эти организации, т.-е. выступили не против немедленного захвата власти, а за немедленный. Такова была сила аргументов Владимира Ильича!

По докладу Владимира Ильича высказывались почти все присутствовавшие. Говорили горячо и за и против. Владимир Ильич слушал чрезвычайно внимательно, делал пометки, покачивал иногда головой, улыбался, хитро поглядывая на оратора. Прения втянулись до 7-ми часов утра! Некоторые товарищи, разойдясь по другим комнатам и растянувшись кто на столе, кто просто на полу, сладко похрапывали. Около семи часов утра поставили предложенную Владимиром Ильичем резолюцию на голосование. За резолюцию, т.-е. за немедленный захват власти, голосовало 14 человек, против — 2 и 6 человек воздержалось. Присутствовали на этом историческом совещании следующие товарищи: Бокий, Бубнов, Володарский, Долецкий, Зиновьев, Калинин, Каменев, Крыленко, Лашевич, Ленин, Милютин, Невский, Ногин, Рахья Иван, Рахья Эйно, Свердлов, Сталин, Степанов, Сокольников, Урицкий, Шляпников, Шмидт В. и Шотман. Всего 23 человека. Один товарищ или проспал голосование, или ушел незаметно до голосования.

XXIV
ПРОЖЕКТОР

МАВЗОЛЕЙ В. И. ЛЕНИНА НОЧЬЮ.

Фот. А. САМСОНОВА.